

Жудро И.С.

ГРАНИЦЫ РОССИЙСКОГО АРКТИЧЕСКОГО СЕКТОРА: ВОПРОС ПРИМЕНИМОСТИ К ДЕЛИМИТАЦИИ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА В АРКТИКЕ

***Аннотация.** Предметом исследования является проблема определения границ континентального шельфа в Северном Ледовитом океане. Автор сравнивает два основных подхода к решению этой проблемы, существующих сегодня в отечественном и зарубежном экспертных сообществах, и лежащие в их основе оценки международно-правового режима Северного Ледовитого океана (далее – МПР СЛО). Корень расхождений в экспертных оценках автор видит в признании факта формирования в рамках МПР СЛО такого международного обычая как полярный сектор: в одном случае – диалектический подход, признающий обычай, в другом – метафизический, отрицающий обычай. в работе использованы методы: системного анализа, диалектический, позволяющий изучать право в динамике его развития – во временном (политико-историческом) измерении, правового прогнозирования и др. Эволюционное преобразование международно-правового режима СЛО под влиянием временного фактора представляет собой новый предмет научного исследования, позволяющий обогатить теорию формирования правовых институтов, получить новые знания о них. В контексте актуальной проблемы разграничения (делимитации) арктического шельфа исследуемый автором теоретический вопрос приобретает сугубо практический смысл: подход, отрицающий секторальный обычай, предполагает создание в центре дна Северного Ледовитого океана района «общего наследия человечества» и лежит в русле политической линии НАТО и ЕС, не соответствующей национальным интересам Российской Федерации. Напротив, подход, признающий обычай, позволяет соблюсти национальные интересы при разграничении дна Северного Ледовитого океана.*

***Ключевые слова:** Международно-правовой режим, Северный Ледовитый океан, международные обычаи, континентальный шельф, делимитация, секторальный метод, Комиссия, Международный район дна, общее наследие человечества, метод меридианных линий.*

***Abstract:** The subject of this research is the problem of determination of the continental shelf boundaries in the Arctic Ocean. The author compares the two main approaches towards the solution of this problem, which are present in the Russian and foreign expert communities, as well as the assessments of the international legal regime of the Arctic Ocean. The author believes that the core of the controversies in the expert assessments lies in the fact of establishment within the international legal regime of the Arctic Ocean of such international custom as the polar sector: in the first case – dialectical approach that accepts this custom, and in the second case – metaphysical approach that denies this custom. Under the modern factor, the evolutionary transformation of the international legal regime of the Arctic Ocean represents a new subject of the scientific examination, which allows enriching the theory of formation of the legal institutions, as well as acquire new knowledge about them. The studied theoretical questions attain specifically practical sense in the context of the relevant problem of delimitation.*

tation of the Arctic shelf: the approach that rejects the sectoral custom, suggests the creation of the “common heritage of humanity” in the center of the Arctic ocean floor; as well as it meets the political vector of NATO and EU and does not correspond the national interests of the Russian Federation. And on the contrary, the approach that accepts this custom allows respecting the national interests in delimitation of the Arctic Ocean floor.

Keywords: *Common heritage of mankind, International Seabed Authority, Commission, sectoral method, delimitation, Continental shelf, International Customs, The Arctic Ocean, International legal regime, method of meridian lines.*

Не допустить пространственных уступок и создания конкурентных преимуществ другим государствам при определении внешних границ континентального шельфа – задача, поставленная в утвержденной Президентом Российской Федерации Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации [1].

Очевидно, что выполнение такой задачи самым крупным и влиятельным арктическим государством предполагает наличие у него современной международно-правовой концепции, опирающейся на исторические правовые основания, многолетнюю правоприменительную практику и научные доктрины. Судя по принятым в последние годы программным документам, планирующим полномасштабное развитие арктического региона [1, 2], можно констатировать, что для Российской Федерации этот регион не менее важен, чем для её правопродшественников – СССР или Российской Империи.

Между тем, состоявшееся в 2001 году обращение России на основании Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (далее также – Конвенция 1982 года) в Комиссию по границам континентального шельфа (Нью-Йорк) (далее также – Комиссия) предусматривало намерение отказаться в пользу международного района морского дна, чьи ресурсы объявлены Конвенцией 1982 года «общим наследием человечества» (далее также – ОНЧ), от значительного по своей площади (около 300 тыс. кв. км.) донного участка (далее также – Район «А»), распо-

женного в высокоширотной части Северного Ледовитого океана (далее также – СЛО), в пределах российского полярного сектора (см. приложение) [3].

Такая позиция, получив поддержку со стороны ряда отечественных экспертов [4 – 6], воплотившись в упомянутое обращение российских ведомств – Минприроды и МИД России [7], а также в официальные документы периода 90-х годов 20 века [8], вызвала острую научную критику.

Апологеты этой уступки российского шельфа, утверждая о невозможности для России претендовать на Район «А», отрицали значение для разграничения шельфа важнейшего принципа, которым руководствовались при размежевании арктических пространств Российская Империя и СССР, – принципа деления полярных пространств на секторы – по меридианным линиям, ссылаясь на следующее:

– в актах российского (советского) законодательства, устанавливающих полярный сектор, «не затрагивался правовой режим и правовой статус морских пространств, речь шла только о землях и островах в пределах арктического сектора» [4, с. 93], при этом авторы то ли по своему неведению, то ли намеренно вообще не исследуют применимость термина «земли» к «подводным землям», хотя этот вопрос в науке уже рассматривался;

– конвенции XIX века (в т.ч. русско-английская 1825 г., русско-американская 1867 гг.) не устанавливали секторальных

границ и не расширяли исключительную юрисдикцию Российской Федерации на морские пространства за обычный для того времени 3-мильный лимит территориального моря [4, с. 92]; при этом автор игнорирует толкование этих конвенций, предусматривающее, что это – меридианные границы в направлении Северного полюса, совпадающие с секторальными;

– законодательством и дипломатической перепиской Российской империи и советского государства первых десятилетий XX века не затрагивались вопросы правового статуса и правового режима морских пространств и, тем более, континентального шельфа района «А» [4, с. 94];

– морское дно района «А» представляет собой часть международного района морского дна с соответствующим правовым режимом [4, с. 90, 103]; юридических доводов в пользу такого мнения – нет.

Представляется, что каждый из этих аргументов в качестве доводов, отрицающих значение границ российского арктического сектора, ущербен как по отдельности, так и в своей подобной совокупности.

Прежде всего, сторонники уступки части российского шельфа игнорируют то, что СЛО – необычный океан: «... это уникальный географический район, имеющий некоторые важные характерные черты океана» – писал канадский профессор Джонстон [9 с. 151]. Вопросы делимитации пространств СЛО связаны с необходимостью учета целого ряда особых обстоятельств, прежде всего – его положение к северу от Северного полярного круга.

Полярное расположение Северного Ледовитого океана само по себе превращает Северный полюс в его естественный центр, точку схождения вершин секторов, ширина основания которых, соответствующая протяженности побережий приполярных государств, а также близость расположения

самых побережий к Северному полюсу – приобретают правоустанавливающее значение.

В цитируемой книге А.И.Губанова автор, отрицая географическую и правовую уникальность Северного Ледовитого океана, тем не менее, рассуждает так: «Прежде чем перейти к вопросу делимитации континентального шельфа в приполюсной области Северного Ледовитого океана, необходимо кратко осветить географические характеристики области делимитации», и в качестве такой автор приводит удаленность от Северного полюса [4, с. 228].

В книге игнорируется вклад отечественной правовой науки, начиная с проф. В.Л.Лахтина [10]; игнорируются такие особые обстоятельства, как полярность, полузамкнутость побережьями, относительно небольшая площадь СЛО, скованность льдами в центре и мелководность – именно такие обстоятельства делают секторальный подход тем методом разграничения арктического шельфа, который в наибольшей степени учитывает интересы прибрежных государств; их разные правовые позиции, в т.ч. и США, не присоединившихся к Конвенции 1982 года, не признающих институт ОНЧ в качестве части современного общего международного права. Именно секторальное разграничение арктического шельфа способно обеспечить соблюдение принципов пропорциональности, справедливости в целом.

Проф. Мелков Г.М. наиболее жестко критикует новую правовую позицию России, принятую «при Президенте Ельцине Б.Н.»: – этот новый «подход исповедует НАТО»; с 1997 г. «за большие деньги из бюджета России МПР стало доказывать принадлежность нам того, что и без такого доказывания считалось до этого российским шельфом»; в результате нарисованной МПР России схемы, направленной в Комиссию по границам шельфа, «в российском арктическом секторе вдруг оказался НЕРОССИЙСКИМ

район шельфа площадью более 330 тысяч кв. км!); «Подобные действия МПП явно и объективно направлены против национальных интересов России»; МПП России «не могло бы так действовать, не будь поддержки руководителей правового департамента МИД России» [11, с. 41-42].

В рамках академической аналитики отметим, что в СССР секторальный метод как способ делимитации полярных пространств (земель, островов), в наибольшей степени отвечающий интересам советского государства, последовательно закреплялся, отстаивался как международный обычай [12].

Отвергать возможность секторального метода разграничения суверенных прав России на морское дно на том основании, что он не применялся Советским Союзом к разграничению полярных вод – необоснованно.

Российская империя и СССР, исходившие из секторального принципа при распространении суверенитета на полярные земли и острова, никогда не устанавливали государственных границ вплоть до Северного полюса. Ведущие советские специалисты в области морского права подчеркивали: «Практически полярные секторы в Арктике имеются у СССР, США, Канады, Дании и Норвегии... Границы полярных секторов не являются государственными...» [9, с. 150]. Но установление тем или иным государством полярного сектора, само по себе не предрешает вопроса о правовом режиме входящих в него морских вод.

То обстоятельство, что Россия никогда не рассматривала все воды сектора в качестве своих территориальных, означает лишь, что морское дно под ними не может быть отнесено к государственной территории России; это, собственно говоря, и не вызывает никаких сомнений. Если бы Россия распространяла суверенитет не только на земли, но и на воды всего своего

полярного сектора, то сегодня вопрос о принадлежности района «А» к российскому континентальному шельфу – и не возник бы. Морское дно в пределах всего сектора относилось бы к российской территории.

Поиски каких-либо доказательств распространения Российской империей и СССР суверенных прав и юрисдикции, соответствующих современному режиму «исключительная экономическая зона» (далее также – ИЭЗ), на воды, покрывающие район «А», – также не имеют смысла, поскольку ничего не добавляют в плане выводов о статусе и режиме расположенного под этими водами участка дна. ИЭЗ – это институт Конвенции 1982 года. Институт «континентальный шельф прибрежного государства», ознаменовавший собой доступ к недрам морского дна за пределами территориального моря, получил свое международно-правовое закрепление лишь в середине XX века.

Искать сегодня в действиях Российской империи до 1917 года или СССР, прекратившего свое существование в 1991 году, признаки возможного распространения Россией на высокоширотный район «А» правового режима ИЭЗ – значит рассматривать правоотношения прошлых времен с позиции современных норм. Делать это бессмысленно еще и потому, что режим ИЭЗ ограничен по Конвенции 1982 года 200-мильным пределом от исходных линий, в то время как район «А» находится за этим пределом.

Возникает вопрос: зачем увязывают правовой режим участка дна с правовым статусом покрывающих его вод? Возможность отнесения конкретного участка морского дна СЛО за 200-мильным пределом (в данном случае – района «А») к континентальному шельфу Российской Федерации или к международному району морского дна не зависит от правового статуса вод, покрывающих этот участок дна (в любом случае это – открытое море). И, наоборот, довод о

том, что воды над районом «А» всегда рассматривались как открытое море, ничего не дает в плане подталкивания читателей к умозаключению о принадлежности этого района к международному району морского дна; или о невозможности его отнесения к континентальному шельфу России. Воды открытого моря покрывают собой и континентальный шельф прибрежного государства (за 200-мильным пределом), и международный район морского дна (для государств-участников Конвенции 1982 г.).

Упорно подчеркивается факт, что Российская империя в соглашениях XIX в. не претендовала на водные пространства за пределами внутренних вод и территориального моря [4, с. 91-92]. Но этот факт не исключает (спустя полтора века) российские суверенные права на континентальный шельф, юридически находящийся, в т.ч. под водами открытого моря.

Поэтому вывод о том, что «исторически акватория района «А» **вместе с морским дном под ней** представляет собой часть открытого моря с соответствующим режимом «открытого моря» – лишен всякого смысла [4, с. 90]. Не говоря уж о том, что здесь автор совсем путается в понятийном аппарате. «Дно открытого моря» – это понятие Женевской конвенции об открытом море 1958 г. Но в Конвенции 1982 г. этого понятия уже нет. Морское дно за пределами национальной юрисдикции (т.е. за пределами континентального шельфа) – это, согласно Конвенции 1982 г., международный район морского дна (общее наследие человечества).

Далее, автором не учитывается, что открытому морю не свойственна однородность. Еще из советских учебников известно – о едином правовом режиме вод полярного сектора говорить нельзя: «вопрос о правовом режиме арктических морей решается в отношении каждого моря особо, исходя из общих принципов международного права,

фактически сложившегося и имеющего многолетнее применение и признание порядка, из соображений **политических, оборонных, экономических** и иных, определяющих правовой режим того или иного морского пространства» [9, с. 105]. Т.е. в науке можно считать твердо установленным факт – «моря Арктики не имеют и не могут иметь единого правового режима» [9, с. 151]. Особенности режима морей отечественного сектора Арктики в том, что:

– эти моря лежат вдали от международных морских путей;

– в этих морях не было и нет свободного международного судоходства, за исключением разрешаемого по отечественному законодательству;

– по своим физико-геологическим критериям – моря Карское, Восточно-Сибирское и Лаптевых – заливного типа, обрамлены со стороны остальной части океана геологическим продолжением суши (обширными архипелагами и отдельными островами);

– преобладающую часть года они покрыты непреодолимыми для судов льдами [9, с. 152].

Касаясь темы арктических морей в пределах российского сектора, А.Губанов ставит под сомнение справедливость отнесения их к историческим морям России, отстаивая интересы Норвегии: «в отношении архипелага Земля Франца-Иосифа Норвегия отказалась от своих притязаний только в конце 20-х гг. XX в. Также установлен факт о постоянном норвежском присутствии на острове Новая Земля ... вплоть до 20-х гг. XX в.». Отметим, у Норвегии свои хорошие юристы. Отнесение морей Карского, Лаптевых, Восточно-Сибирского и Чукотского к «морям заливного типа» – автор называет не более чем «популярной темой» в «советской научной литературе 50-60-х гг. XX в.», даже не пытаясь рассматривать её в качестве заслуживающей внимания. Автор, в духе

состязательности, и далее «защищает интересы» конкурентов России: «вплоть до XX в. отсутствуют какие-либо сведения о российских экспедициях, осуществляющих исследования за пределами Баренцева, Карского морей и моря Лаптевых...»; делает вывод о «сомнительности исключительных прав России на их историческое использование» [4, с. 88-89].

Между тем в трудах авторитетных отечественных исследователей, носящих доктринальный характер, подчеркивалось, что особый международно-правовой режим советского сектора Арктики и Северного Морского пути (далее также – СМП) сформировался под влиянием факторов освоения Россией и СССР арктических земель, архипелагов и островов, а также континентальных районов Крайнего Севера:

– огромные материальные затраты СССР, героические усилия русского и советского народа по освоению арктических морей, прилегающих к побережью;

– важное стратегическое значение Арктики, учитывая попытки агрессивных империалистических кругов использовать её **в военных целях** против СССР;

– заинтересованность в обеспечении **безопасности границ**, учитывая, что Арктика примыкает к обширным высокоразвитым в промышленном отношении районам СССР (Урал, Восточная Сибирь);

– установление режима ряда арктических морей советского сектора и СМП для снабжения всем необходимым населения и развивающейся промышленности Крайнего Севера, практическое неосуществление плавания иностранных судов по СМП;

– постоянное осуществление комплекса организационных и административных мер для обеспечения нормального и бесперебойного функционирования СМП;

– фактическое международное признание основанного на «исторических» правах

режима морей советского сектора другими государствами. «Общая терпимость» других государств, осведомленных о выполнении СССР в арктических морях функций администратора и иных прав, и молчаливо с этим соглашающихся (режим Карского моря односторонне официально устанавливался правительством России в течение трех столетий и никем не оспаривался);

– фактическое международное признание режима плавания по СМП [9, с. 152-153].

Эти факторы по-прежнему не утрачивают своего значения.

Арктика – регион, где действует концепция исторических прав на морские районы; где острова, скалы, иные земли заключены в пределы арктических секторов; Где невозможно отрицать существование российского и канадского арктических секторов, а также сектора США, секторальные границы между которыми определяют пределы действия суверенитета над землями. Воды сектора за пределами государственной границы – относятся к ИЭЗ или открытому морю, правовой режим которого – неоднороден.

Отсутствие на протяжении веков каких-либо притязаний арктических прибрежных государств на все водное и ледовое пространство в районах своих полярных секторов – не может исключать возможность и целесообразность применения ими секторального метода при делимитации подводных земель, т.е. арктического континентального шельфа. Секторальный принцип вполне может быть применен в отношении всего дна СЛО, являющегося продолжением материковой суши, обеспечив соблюдение справедливости и пропорциональности (в соотношении протяженности побережья и площади континентального шельфа). О том, что секторальные линии, послужившие для разграничения сухопутных пространств, могут иметь новое пред-

назначение – свидетельствует современная практика разграничения по секторальным линиям континентального шельфа, прежде всего между СССР и США по Соглашению 1990 года [13, с. 33-37].

Результат делимитации арктического континентального шельфа – дна СЛО – только между пятью прибрежными странами (Россией, Канадой, Данией, Норвегией, США) представляется наиболее справедливым, поскольку не будет затрагивать интересов третьих государств. В сопоставлении интересов пяти прибрежных арктических и прочих нерегionalных государств в высокоширотном районе за пределами 200-мильных зон прибрежные страны, несомненно, имеют приоритет, прежде всего, с точки зрения той ответственности, которые они несут за сохранение экологического равновесия в Арктике, и рисков негативных последствий от его нарушения.

Реализуемый сегодня путь закрепления границ арктического шельфа, отвергающий сектор, основан на применении единственной **статьи 76 Конвенции 1982 года**. Но содержащиеся в этой норме геологические и геоморфологические критерии приобретают значение лишь в случае *отграничения* континентального шельфа прибрежного государства от международного района морского дна (ОНЧ). Там же, где создание района не предполагается, применение этих критериев юридически ошибочно, что отмечается и в зарубежной международно-правовой литературе [14]. Разграничение шельфа между государствами со смежными или противолежащими побережьями осуществляется на основании соглашений – согласно статье 83 Конвенции 1982 года, без обращения к Комиссии по границам континентального шельфа согласно ст. 76. Для дна СЛО, большую площадь которого составляет континентальный шельф пяти прибрежных

государств, применима **именно делимитация** арктического шельфа между пятью странами по ст. 83 Конвенции, **а не отграничение** от района ОНЧ по ст. 76.

Для России путь по статье 76 – заведомо невыгоден.

Сегодня абсолютно большая часть площади СЛО – объект притязаний прибрежных арктических государств. Свободный от претензий район ОНЧ образуется только в российском секторе. Притязания Дании и, возможно, Канады на значительную часть континентального шельфа СЛО [15], включая сектор Российской Федерации, вынуждают её представить в Комиссию дополнительные результаты подводных исследований, причем абсолютно большей части площади дна СЛО, бюджетные расходы которые огромны. Рассуждая о «географических перспективах» делимитации российского арктического шельфа (по видимому, имея в виду итоги рассмотрения Комиссией российского обращения ст. 76 Конвенции 1982 года), А.Губанов приходит к выводу о множественности вариантов, при которых Россия **не получает гарантированного положительного результата** – «утраты Россией прав на приполюсной район» или когда «большая часть приполюсного района отойдет к Канаде и Дании» или «в центральной части Северного Ледовитого океана будет образован крупный, непрерывный анклавный участок международного района морского дна» [4, с. 241-242]. Не означает ли это, что путь по статье 76 вносит **элемент случайности**, ставит суверенные права государства (экономические, оборонные интересы) в зависимость от выводов технического органа – Комиссии по границам континентального шельфа, **безосновательно придает этому органу правовые функции**, сопоставимые с полномочиями органа правосудия (попытка подобного толкования

уже предпринята российскими экспертами и чиновниками [5])? Не говоря уже о том, что подобный путь обоснования прав на континентальный шельф, не учитывающий исторических правооснований, вряд ли можно **назвать достойным многовековых усилий Российской империи, СССР и их граждан**, по освоению полярных широт.

Вызывает сожаление и то, что ряд авторов, в т.ч. сотрудников МИД России, **отыскивает аргументы об отсутствии у России прав на район «А» в официальных американских и канадских источниках** [6]. Подобные ссылки на документы или публичные высказывания тех или иных иностранных государственных чиновников, движимых зачастую конъюнктурными соображениями – собственными или своих государств (обзоры госдепартамента США, выступления премьера Канады С.Харпера и пр.), не являются теми убедительными доводами, которые можно было бы противопоставить, например, правовым доктринам.

Необходимо учитывать, что значение секторального подхода для США, например, и Российской Федерации – разное. В чем состоит интерес США, неприсоединившихся к Конвенции 1982 года – противодействовать секторальному разграничению арктического шельфа? Не только в том, чтобы не допустить установление признанных границ огромного района арктического шельфа России, и небольшого – арктического сектора США (сопоставимых с их соответствующими секторами). Но и в том, чтобы вообще затянуть ход делимитации арктического шельфа. Чтобы подтолкнуть Россию в Комиссию – где она «буксует» с 2001 г. и может еще на годы там увязнуть. Если же Комиссия и вынесет рекомендацию – то с созданием – за счет сектора России – в Арктике района ОНЧ. С образованием района ОНЧ в СЛО

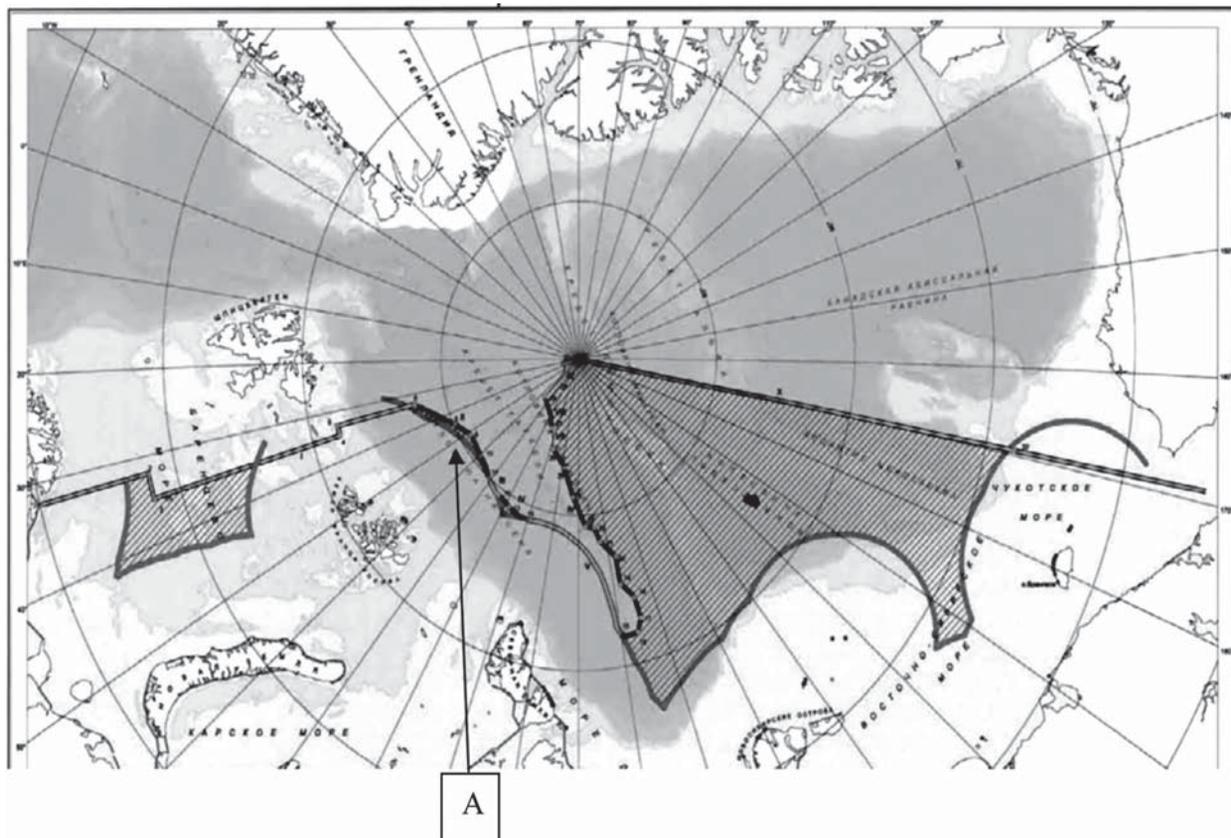
США надеются, видимо, получить доступ к его ресурсам, будучи не связанными какими-либо международно-правовыми обязательствами по подчинению конвенционному режиму этого района (вспомнить хотя бы сделанное в 2006 году обращение к Президенту Российской Федерации американского консорциума о готовности представлять интересы человечества при освоении ресурсов ОНЧ в СЛО).

В интересах Дании – применение статьи 76 Конвенции 1982 года, что позволит ей распространить свои притязания за пределы собственного небольшого сектора, опять-таки, вторгнувшись в российский сектор. Соответственно, применение статьи 76 для Российской Федерации влечет практически неизбежную уступку в границах своего полярного сектора – в пользу либо другого арктического государства, либо в пользу международного района морского дна (ОНЧ).

Итак, для Российской Федерации секторальный метод важен, прежде всего, как исторический, правовой и пространственный ориентир – в целях недопущения геополитических уступок. Арктический сектор – тот исторический и правовой факт, использование которого позволит обеспечить преемственность в отстаивании национальных интересов в Арктике. Сектор отвечает интересам Российской Федерации в гораздо большей степени, чем любого из арктических государств. И, напротив, отказ от сектора для Российской Федерации означает подрыв собственных многовековых правовых позиций. Ориентация в обоснование такого отказа на позицию тех арктических государств, чьим интересам сектор объективно не отвечает (прежде всего, США, Дании) – есть добровольный отказ от выигрышного переговорного аргумента, заведомое пренебрежение национальными интересами.

Приложение

Данные, представленные Россией в Комиссию по границам континентального шельфа 20 декабря 2001 г.: буквой «А» обозначен Район «общего наследия человечества».

Адаптировано из Источника: официальный Интернет-сайт ООН. Доступ к ресурсу: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/rus01/RUS_CLCS_01_2001_LOS_2.jpg

Библиография:

1. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом Российской Федерации 8 февраля 2013 г. Пр-232). Доступ к ресурсу: <http://www.government.ru> (20.02.2013).
2. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом Российской Федерации 18 сентября 2008 г. № Пр-1969).
3. Представление Российской Федерации в Комиссию по границам континентального шельфа 2001 г. Официальный Интернет-сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/rus01/RUS_CLCS_01_2001_LOS_2.jpg (19.06.2016).
4. Губанов А.И. Разграничение континентального шельфа в Арктике: международно-правовые проблемы и перспективы. Монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2015. С. 251.
5. Колодкин Р.А., Пунжин С.М. Континентальный шельф за пределами 200 миль: определение внешних границ и делимитация. «Консультант Плюс».
6. Титушкин В.Ю. К вопросу о внешних границах континентального шельфа Российской Федерации в Арктике. Международное морское право. Статьи памяти А.Л. Колодкина. М.: Статут, 2014. С. 234.

7. Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации: <http://www.mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=141707> (27.10.2015).
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 717 «О порядке утверждения перечней географических координат точек, определяющих линии внешних границ континентального шельфа Российской Федерации» («Собрание законодательства Российской Федерации», 23.06.1997, № 25, ст. 2939).
9. Морское право. Жудро А.К., Джавад Ю.Х. М. «Транспорт». 1974. С. 151.
10. Лахтин В.Л. Права на северные полярные пространства. Издание Литиздата Народного Комиссариата по иностранным делам. М., 1928, 48 с.
11. Мелков Г.М. О правовом статусе Печорского и Охотского морей / МЖМП. 2014. № 4. С. 41-42.
12. Бахов А.С. Военно-морской международно-правовой справочник. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1956. 352 с.; Международное морское право. Справочник / Глазунов Г.А., Горшков Г.С., Князев В.С., Коляскин А.С., и др.; Под ред.: Горшков Г.С. М.: Воениздат, 1985. 430 с.; Молодцов С.В. Международное морское право. М.: Междунар. отношения, 1987. 272 с.
13. Соглашение между СССР и Соединенными Штатами Америки о линии разграничения морских пространств. Бюллетень международных договоров. 2008. № 1. С. 33–37.
14. Вылегжанин А.Н., Молодцова Е.С., Дудыкина И.П. Зарубежные исследования права, применимого к отграничению (delineation) и разграничению (delimitation) арктического шельфа // Московский журнал международного права. 2015. № 3. С. 5.
15. Официальный сайт МИД России: Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с подачей Данией заявки на континентальный шельф в Арктике <http://mid.ru/2888-16-12-2014>.
16. Жудро И.С. Секторальный метод как способ справедливого разграничения дна Северного Ледовитого океана // Право и политика. 2015. № 6. С. 817 – 825. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.6.15168.

References (transliterated):

1. Gubanov A.I. Razgranichenie kontinental'nogo shel'fa v Arktike: mezhdunarodno-pravovye problemy i perspektivy. Monografiya. M.: IKD «Zertsalo-M», 2015. S. 251.
2. Kolodkin R.A., Punzhin S.M. Kontinental'nyi shel'f za predelami 200 mil': opredelenie vneshnikh granits i delimitatsiya. «Konsul'tant Plyus».
3. Titushkin V.Yu. K voprosu o vneshnikh granitsakh kontinental'nogo shel'fa Rossiiskoi Federatsii v Arktike. Mezhdunarodnoe morskoe pravo. Stat'i pamyati A.L. Kolodkina. M.: Statut, 2014. S. 234.
4. Lakhtin V.L. Prava na severnye polyarnye prostranstva. Izdanie Litizdata Narodnogo Komissariata po inostrannym delam. M., 1928, 48 s.
5. Melkov G.M. O pravovom statuse Pechorskogo i Okhotskogo morei / MZhMP. 2014. № 4. S. 41-42.
6. Bakhov A.S. Voenno-morskoi mezhdunarodno-pravovoi spravochnik. M.: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR, 1956. 352 s.; Mezhdunarodnoe morskoe pravo. Spravochnik / Glazunov G.A., Gorshkov G.S., Knyazev V.S., Kolyaskin A.S., i dr.; Pod red.: Gorshkov G.S. M.: Voenizdat, 1985. 430 s.; Molodtsov S.V. Mezhdunarodnoe morskoe pravo. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1987. 272 s.
7. Vylegzhanin A.N., Molodtsova E.S., Dudykina I.P. Zarubezhnye issledovaniya prava, primenimogo k otgranicheniyu (delineation) i razgranicheniyu (delimitation) arkticheskogo shel'fa // Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2015. № 3. S. 5.
8. Zhudro I.S. Sektoral'nyi metod kak sposob spravedlivogo razgranicheniya dna Severnogo Ledovitogo okeana // Pravo i politika. 2015. № 6. С. 817 – 825. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.6.15168.